

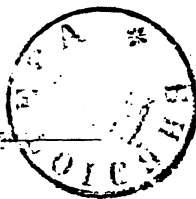
Т 30
582

ГЕНЕРАЛЪ СКОБЕЛЕВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ ГОСПОЖИ АДАМЪ

(Жульеты Ламбертъ).

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГЕНЕРАЛА СКОБЕЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. В. С. Бахарева, Екатерининскій кан., № 78.

1886.

Екатерининскій кан., д. № 78.
2719.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го Октября 1886 года.

2004175213

ГЕНЕРАЛЪ СКОБЕЛЕВЪ.

SKOBELEFF.

СКОБЕЛЕВЪ.

I.

До личнаго знакомства моего со Скобелевымъ, я всегда любила разговаривать о немъ съ его друзьями. Мнѣ случалось много разъ читать его письма въ генералу Х*** и переписывать тѣ изъ нихъ, которыя казались мнѣ интересными; эти письма внушили мнѣ самое высокое мнѣніе о прорицательной способности «бѣлаго генерала». Я замѣтила, что близкіе къ нему люди, находившіеся въ постоянномъ соприкосновеніи съ его богато-одаренной натурой, усматривали проявленія эксцентричности въ тѣхъ именно случаяхъ, въ которыхъ можно было видѣть только доказательства его необыкновеннаго характера. Правда, мнѣ рассказывали о немъ много разныхъ фантастическихъ исторій; но я видѣла въ нихъ только доказательство его страстнаго стремленія къ героическимъ подвигамъ.

Скобелевъ возмущался, еще съ дѣтства, противъ общепринятыхъ правилъ. Жизнь казалась ему пустой и мелкой; и вотъ, дабы расширить жизненные рамки, онъ возмечталъ о побѣдѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Ежедневныя сильныя ощущенія стали для него жизненною необходимостью. Только постоянная игра со смертью придавала, въ его глазахъ, нѣкую прелесть жизни.

Во всемъ желалъ онъ испытывать, прочувствовать и извѣдать крайности, въ самомъ страстномъ и пламенномъ значеніи слова. Его патриотизмъ требовалъ ненависти, которая удваиваетъ его силу. Онъ страстно пускался во всѣ приключенія, встрѣчавшіяся ему на пути. Но лишь война могла открыть для бурной натуры героя достаточно обширное поприще.

Скобелевъ родился въ 1845 году; ему достаточно было, въ молодости, пройти черезъ университетъ, чтобы быть и остаться ученымъ. Въ чинѣ капитана, онъ участвовалъ въ походѣ на Хиву, и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, открылъ володцы Узунъ-Коню. Во время своей второй кампаніи, а именно Кокандской, онъ былъ сдѣланъ бригаднымъ генераломъ, тогда какъ его товарищи по выпуску оставались еще въ чинѣ капитана.

Онъ до такой степени стоялъ выше другихъ, что оставался великимъ даже тогда, когда старался быть маленькимъ. Когда ему

случалось быть на заднемъ планѣ, то центръ дѣятельности перемѣщался и сосредоточивался вокругъ его личности. Если, изъ зависти, ему не давали виднаго положенія, помощью каковаго либо доблестнаго подвига, то онъ бралъ его приступомъ.

Во время турецко-русской войны 1877 года, ему не дали опредѣленнаго назначенія; тогда, онъ попросилъ дозволенія сопровождать, въ качествѣ волонтера, генерала Драгомирова, который съ своей дивизіей долженъ былъ первый перейти Дунай.

Генералъ принялъ Скобелева весьма радушно и былъ счастливъ имѣть подобнаго помощника.

Дивизія генерала Драгомирова колебалась: то двигалась впередъ, то отступала; занимала новыя позиціи и снова теряла ихъ; то отбивала ихъ у непріятеля, то, казалось, снова принуждена была уступать.

Скобелевъ, стоя рядомъ съ генераломъ, слѣдилъ глазами за перипетіями битвы.

— Михаилъ Ивановичъ, поздравляю тебя! вдругъ восторженно вскричалъ Скобелевъ.

— Съ чѣмъ ты меня поздравляешь?

— Съ побѣдой.

— Почему ты узнаешь побѣду?

— По трубѣ солдатъ! Она никогда не звучитъ такъ радостно; когда солдаты не увѣрены въ побѣдѣ.

И дѣйствительно, турки отступали; перестрѣлка прекратилась.

— Не пора-ли прекратить дѣйствіе? спросилъ Скобелевъ.

— Да, но при мнѣ не осталось болѣе ни одного ординарца, отвѣтилъ Драгомировъ.

— Такъ я отправлюсь, сказалъ Скобелевъ, и уѣхалъ.

Генераль смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ.

Одѣтый въ свой легендарный бѣлый костюмъ, сидя на бѣломъ конѣ, какъ безукоризненный и изящный наѣздникъ, гордо вскинувъ голову, Скобелевъ ѣздилъ подъ градомъ пуль, не слѣша, легкой рысью, какъ-бы на парадѣ. Онъ останавливался на всѣхъ пунктахъ гдѣ возгаралась борьба; болѣе продолжительно простоялъ у развернутой цѣпи стрѣлковъ, оставаясь все время подъ непріятельскими выстрѣлами. Онъ передалъ приказъ генерала всѣмъ ротамъ, каждому офицеру и затѣмъ спокойно поѣхалъ назадъ тою же медленной рысью. Отдавъ по обыкновенію честь генералу Драгомирову, онъ доложилъ, что приказъ его переданъ войскамъ.

Почему генераль Скобелевъ не получилъ сразу мѣста въ арміи, въ началѣ русско-турецкой войны?

Вотъ какъ поручикъ Гринъ, бывшій военнымъ агентомъ въ Петербургѣ, объясняетъ

этотъ фактъ въ своей книгѣ: «*Sketches of army Life in Russia*».

Поручикъ Гринъ, продѣлавшій всю турецкую кампанію 1877 года въ рядахъ русскихъ войскъ, былъ другомъ генерала Скобелева и горячимъ его поклонникомъ. Онъ ставитъ его наравнѣ съ величайшими полководцами этого столѣтія, съ Наполеономъ, Веллингтономъ, Грантомъ и Мольке. Вотъ что онъ говоритъ объ опалѣ Скобелева:

«Во время перемирія, въ одномъ изъ походовъ на Кокандъ, генералъ Скобелевъ, съ своимъ обыкновенно строптивымъ нравомъ, пустился въ походъ противъ „интендантскихъ чиновниковъ“ (to wage war on the rascals of the Supply department). Эти послѣдніе приняли вызовъ, и такъ какъ они столь же ловки, сколько неразборчивы, то и не замедлили обвинить его въ Петербургѣ въ весьма серьезныхъ злоупотребленіяхъ. Одинъ флигель-адъютантъ посланъ былъ для разслѣдованія дѣла; холодно принятый генераломъ, междутѣмъ какъ господѣ изъ Supply department уживались около него, флигель-адъютантъ вернулся въ Петербургъ съ докладомъ, въ которомъ Скобелевъ обвинялся во взяточничествѣ на сумму около милліона рублей. Какъ только Скобелевъ услышалъ объ этомъ, онъ тотчасъ-же испросилъ по телеграфу отпускъ у генерала Кауфмана, уложилъ немедленно свои вещи и отправился въ Питеръ.

По приѣздѣ въ столицу, онъ представилъ всѣ свои счета въ Государственный Контроль. Послѣ самаго тщательнаго слѣдствія, генералъ былъ оправданъ, о чемъ и было кѣмъ слѣдуетъ заяв-

лено самымъ категоричнымъ образомъ. Но человекъ съ столь задорнымъ характеромъ всегда имѣетъ враговъ. Хотя официально онъ и былъ оправданъ, но все-таки нѣкоторая тѣнь осталась на его репутаціи. Зависть противъ человека, который на 32-мъ году жизни былъ уже генераломъ и имѣлъ два Георгіевскихъ креста, была настолько сильна, что Скобелевъ не могъ получить спеціальнаго командованія и отправился въ походъ въ качествѣ генерала, *состоящаго при штабѣ Великаго Князя.*»

Всѣмъ извѣстно его поведеніе во время этой войны, а равно и то, какъ онъ, благодаря своему героизму, доминировалъ надъ всѣми завистливыми врагами, которыхъ ему создала его быстрая и блестящая военная карьера.

Макъ-Гаханъ, знаменитый американскій корреспондентъ, показываетъ его намъ во главѣ войскъ, идущихъ на приступъ Плевны, послѣ того, какъ въ первый разъ они были отброшены непріателемъ:

„Это было олицетвореніе воинскаго изступленія. Одѣтый въ мундиръ, обрызганный кровью и грязью, со сломанной шпагой въ рукѣ и согнутымъ георгіевскимъ крестомъ на плечѣ, съ лицомъ почернѣвшимъ отъ дыма и пороха, и глазами, блуждающими и налитыми кровью, высохшими губами и хриплымъ голосомъ, — Скобелевъ отдавалъ приказанія среди труповъ и раненыхъ... Вечеромъ я видѣлъ его въ палаткѣ; онъ былъ спокоенъ, лицо его было свѣжо и безъ малѣйшаго признака утомленія“.

Послѣ русско-турецкой войны, популярность «бѣлаго генерала» сдѣлалась такъ велика, что самые злѣйшіе его враги не осмѣливались больше ее оспаривать. Для всей Россіи онъ былъ «героемъ Плевны».

Вотъ какъ, въ 1878 году, г. Форбезъ описываетъ Скобелева:

„Солдаты, горожане, женщины—все были отъ него безъ ума. Я какъ теперь вижу его прекрасный лобъ, украшенный каштановыми волосами; его голубые глаза, свѣтлые, съ проникающимъ взоромъ, столь открыто и прямо смотрѣвшимъ на васъ; его прямой и длинный носъ, указывающій на *рыцарственность*, одинъ изъ тѣхъ носовъ, которые Наполеонъ I любилъ видѣть на лицѣ своихъ генераловъ; прекрасно очерченный ротъ, одаренный необыкновенной подвижностью и выразительностью; его круглый могучій, подбородокъ съ ямочкой по срединѣ,—словомъ отчетливо вижу передъ собой его мужественное, энергичное лицо, окаймленное шелковистою бородою падавшею на его богатырскую грудь...

Этотъ человекъ въ тридцать три года все видѣлъ, все продѣлалъ, все прочелъ. Онъ дѣлалъ развѣдки до самыхъ степенъ Памира, вокругъ озера Викторіи и до Инду-Куша. Онъ зналъ на память Бальзака, Шеридана, Герберта-Спенсера и Гемли. Онъ имѣлъ свое мнѣніе о фаворитѣ на будущихъ скачкахъ, о кухнѣ Café Anglais и репертуарѣ г-жи Селины Шомонъ, точно также какъ объ англійской кавалеріи и о бродяхъ Оксуса. Онъ былъ музыкантъ, и однажды вечеромъ пропѣлъ, Макъ Гахану и мнѣ, прекрас-

нымъ голосомъ, аккомпанируя себѣ на форте-пиано, французскія пѣсни, а затѣмъ нѣмецкія русскія, итальянскія и киргизскія, закончивъ пѣсню Aug Lang Sygne, съ подобающимъ произношеніемъ... Простившись съ нимъ, я сказалъ себѣ, что видѣлъ въ этотъ вечеръ самый прелестный образецъ русскаго совершенства, плч, вѣрнѣе, космополитическаго, какой когда-либо мнѣ удавалось встрѣтить. А я не видалъ еще его въ настоящей его сферѣ—на полѣ битвы.»

II

Въ 1879 году Скобелевъ путешествовалъ по Германіи. Я читала письмо, которое онъ написалъ въ это время одному генералу, моему другу, и я просила позволеніе сохранить это письмо, до такой степени оно мнѣ показалось замѣчательнымъ. Я уже тогда поняла, какое оно можетъ имѣть значеніе въ будущемъ. Мое предчувствіе оправдалось. Я не думаю, чтобы когда либо государственный человѣкъ семью годами впередъ такъ вѣрно предсказалъ будущее.

«Вы спрашиваете меня о впечатлѣніи, которое я вынесъ изъ путешествія по Германіи; я могу выразить его въ двухъ словахъ: я былъ очарованъ и испуганъ, не столько военною силою Пруссіи, такъ какъ я полагаю, что если не въ частностяхъ, то въ общемъ, мы можемъ еще помѣриться съ нею, сколько настойчивостью и систематичностью, съ которыми тамъ готовятся къ вѣроятной войнѣ съ нами; политическая сторона дѣла меня гораздо больше поразила, нежели военная. Несомнѣнно, что организація нѣ-

мецкой арміи превосходна; ея дисциплина и поведеніе выше всякихъ похвалъ; интендантство въ своей организаціи достигло до баснословнаго совершенства; но, не смотря на всѣ эти преимущества, я все таки, полагаю что въ концѣ концовъ она не въ состояніи будетъ побѣдить нашу армію. Мы, безъ сомнѣнія, будемъ разбиты во всѣхъ или почти во всѣхъ генеральныхъ сраженіяхъ, но вмѣстѣ съ этимъ мы уничтожимъ всѣ полезныя силы нѣмецкой арміи, которая, какъ всѣ машины вообще, нуждается въ постоянной смазкѣ главныхъ пружинъ».

«Во Франціи она легко могла продовольствоваться; у насъ же она не будетъ имѣть даже самаго необходимаго, и время, болѣе чѣмъ всѣ наши усилія, доканаетъ ее. И такъ, я не боюсь войны съ военной точки зрѣнія; мы будемъ сперва разбиты, но въ концѣ концовъ останемся побѣдителями; конечный результатъ меня мало или даже вовсе не тревожитъ; но чего я опасюсь, такъ это политики канцлера, того упрямства, съ которымъ онъ стремится изолировать насъ въ Европѣ. Раньше чѣмъ черезъ десять лѣтъ, онъ создастъ намъ на востокѣ такія затрудненія, которыя возстановятъ противъ насъ не только Германію, но и всю Европу. Онъ старается всѣми силами подкопаться подъ насъ; уничтожить насъ нравственно, посорить съ Франціей, Турціей и Балканскими народностями, и затѣмъ оставить насъ одинокими, лицомъ къ лицу съ нашими промахами и глупостями, совершенными подъ его руководствомъ. Вы иногда упрекаете меня за то, что я все вижу въ черномъ цвѣтѣ, но, подождите, настанетъ день, когда вы будете на все смотрѣть еще болѣе мрачно, чѣмъ я въ данную минуту; въ это время, меня,

конечно, уже не будетъ на свѣтѣ, но вы вспомните о терзавшихъ меня опасеніяхъ, о которыхъ я столь часто вамъ говорилъ...

«Кстати, я никакъ не могу понять, какимъ образомъ вы, одаренные столь горячимъ патріотизмомъ, можете еще обманываться касательно угрожающей намъ опасности, и особенно усматривать опасность тамъ, гдѣ ее въ дѣйствительности не существуетъ. Вы все еще думаете, что Пруссія желаетъ преимущественно присоединить къ себѣ наши Балтійская провинціи, что она сперва тамъ нанесетъ намъ ударъ; между тѣмъ какъ ея главный объективъ составляетъ Константинополь, а не Рига. На Востокъ она старается и будетъ стараться препятствовать намъ, почему я тысячу разъ предпочту, чтобы война между нами и Германіей возгорѣлась теперь, а не черезъ пять или десять лѣтъ. Въ данную минуту наше вліяніе на Востокъ почти не поколеблено; завтра же оно можетъ сильно уменьшиться или совсѣмъ быть уничтожено. *Что касается до меня, то я ни на что болѣе не надѣюсь* и сожалею о томъ, что у насъ нѣтъ достаточно прозорливыхъ людей, чтобы понять, что намъ слѣдуетъ нанести ударъ гордости Пруссіи, и защититься отъ ея интригъ прежде, чѣмъ она доведетъ насъ до безсилья посредствомъ ея лживыхъ завѣреній дружбы, на которыя она столь щедра, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы замаскировать истинный смыслъ своей политики. Славяне и Тевтоны никогда не подѣлятся міровымъ вліяніемъ; тѣ или другіе должны восторжествовать и взять верхъ. Дай Богъ, чтобы мы вышли побѣдителями изъ этой великой борьбы.

III

Въ 1879 году первая экспедиція Русскихъ противъ Геокъ-Тѣпе была неудачна, вслѣдствіе слишкомъ малаго количества посланныхъ туда войскъ. Хотя и удалось сформировать въ Чикишлярѣ полторы дивизіи, но на дѣлѣ едва оказалось двѣсти человѣкъ, способныхъ идти въ атаку. Затрудненія кормить людей въ степяхъ были столь велики, что солдаты падали отъ изнуренія какъ мухи, не бывъ въ состояніи переносить всяческихъ лишеній,—словомъ, ихъ сѣяли по дорогѣ.

Въ ноябрѣ 1879 года Государь Императоръ рѣшилъ предпринять новую экспедицію противъ Текинцевъ Оазиса Ахалсага, такъ какъ Россія не могла оставаться подъ впечатлѣніемъ потерпѣнной неудачи.

Скобелевъ, которому было поручено организовать эту вторую экспедицію, поразилъ всю армію и заставилъ умолкнуть своихъ злѣйшихъ враговъ, благодаря необыкновенной терпѣли-

вости и изумительной ловкости и предусмотрительности, съ которыми онъ, въ теченіи цѣлаго года, подготовлялъ экспедицію. Отправленіе войскъ въ походъ было организовано съ такимъ совершенствомъ, что солдаты ни въ чемъ не нуждались, и ничто не останавливало ихъ движенія впередъ.

Азіаты придаютъ особенное значеніе пушкамъ, потому Скобелевъ рѣшился поразить ихъ своею артиллеріею. У него передъ Геокъ-Тепе было до 100 пушекъ.

Во время экспедиціи, Ахаль-Текинцевъ было до 105.000 человекъ, образовавшихъ 18.000 осѣдлыхъ семействъ, и 3.300 кочующихъ. Населеніе Теккинцевъ въ Мервѣ состояло изъ 48.000 семействъ. Скобелевъ принялъ на себя главное начальство надъ войсками, подъ условіемъ своей полной отвѣтственности, но съ правомъ вести экспедицію по своему усмотрѣнію. Онъ потребовалъ, чтобы ему дали совершенно точныя инструкціи, для того чтобы, впоследствии, никто не могъ сказать, что онъ ихъ превысилъ, или видоизмѣнилъ для цѣлей своего военнаго тщеславія.

Вотъ одинъ изъ тысячи разсказовъ, который указываетъ, какимъ образомъ онъ умѣлъ внушать храбрость своимъ войскамъ. Въ іюлѣ 1880 года, во время одной изъ экспедицій противъ Теккинцевъ, въ деревнѣ Янги-Кала, первая пушенная ракета упала обратно на то самое

мѣсто, откуда была пущена; прислуга, опасаясь взрыва, пустилась бѣжать. Увидѣвъ общую панику, Скобелевъ галопомъ прискакалъ на мѣсто. Вторая ракета падаетъ также обратно, подобно первой, и начальникъ батареи даетъ людямъ приказаніе уйти. Скобелевъ приказываетъ оставаться на мѣстахъ, самъ направляется на ракету, которая въ этотъ моментъ разрывается и ранитъ его лошадь; но третья ракета попадаетъ въ цѣль, и приведенная въ восторгъ батарея совершаетъ чудеса храбрости.

Находясь въ Бами, онъ требуетъ подкрѣпленій, въ слѣдующемъ письмѣ, написанномъ по-французски къ полковнику Крапоткину:

«Дорогой полковникъ, прошу васъ хорошенъко принять въ соображеніе, что теперь идетъ дѣло не о большихъ или меньшихъ потеряхъ, а только о побѣдѣ. Поднимите духъ войскъ во что бы то ни стало. Вы меня хорошо знаете и не можете сомнѣваться, что разъ сжегши корабли, я съумѣю заставить перейти черезъ Рубиконъ послѣдняго нашего солдата».

Въ концѣ ноября 1880 года, онъ, изъ Бами, двинулся на крѣпость Дагиль-Тѣпе, которая и была взята 24 января 1881 года; послѣ паденія этой крѣпости, текинцы вскорѣ изъявили свою покорность. Скобелевъ окончилъ въ два мѣсяца всю экспедицію, организація которой длилась болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ,

и потребовала множество подготовительныхъ работъ. Несомнѣнно, что его личная храбрость, его умѣніе поражать воображеніе храбрыхъ народовъ—„побѣждать, значить удивлять“, гваривалъ онъ,—быстрота переходовъ, предусмотрительность, необыкновенная прозорливость, связанная съ большими познаніями, обнаруженными въ теченіи этой войны, въ приказахъ по войскамъ,—всѣ эти качества, вмѣстѣ взятые, должны были несомнѣнно вести его къ побѣдѣ.

Если генералъ Скобелевъ столь же легко рисковалъ жизнью своихъ солдатъ, какъ своей собственной, то зато, послѣ сраженія онъ отбосился къ нимъ съ величайшей заботливостью. Для больныхъ и раненыхъ онъ всегда устраивалъ удобныя помѣщенія, не допуская скопленія ихъ въ госпиталяхъ, что по его словамъ, представляетъ двоякую опасность: эпидеміи и деморализаціи войскъ. Отъ требовалъ, чтобы офицеры прежде думали (по мѣрѣ возможности) о благосостояніи своихъ солдатъ, чѣмъ о своемъ собственномъ, и въ этомъ отношеніи онъ лично подавалъ имъ примѣръ. Генералъ Духонинъ, начальникъ штаба 4-го корпуса, писалъ о немъ:

«Наши славные генералы Радецкій и Гурко умѣли отлично угадывать спеціальныя способности офицеровъ и пользоваться ими, но только Скобелевъ умѣлъ извлекать изъ каждаго рѣши-

тельно все, на что онъ былъ способенъ, и, сверхъ того, своимъ личнымъ примѣромъ и совѣтами, поощрялъ, совершенствовалъ ихъ».

Онъ обращался съ азіятами, бывшими на русской службѣ, совершенно также, какъ съ своими солдатами. „Въ этомъ-то, говорилъ онъ, и заключается главный залогъ нашей силы. Изъ рабовъ мы стараемся сдѣлать людей; это поважнѣе всѣхъ нашихъ побѣдъ“.

Во время сраженія не было человека болѣе жестокаго, чѣмъ Скобелевъ. Теккинцы его называли Гуенцъ-Канлы, — „Кровавые глаза“ и онъ внушалъ имъ суевѣрный страхъ.

Въ разговорахъ съ г-мъ Марвинымъ, генералъ Скобелевъ безцеремонно высказывалъ, какимъ образомъ онъ понималъ покореніе Центральной Азіи.

— «Вотъ видите ли, г-нъ Марвинъ, — но только не печатайте этого, а то я въ глазахъ Лиги мира прослышу за дикаго варвара, — мой принципъ таковъ, что спокойствіе въ Азіи находится въ прямомъ отношеніи къ массѣ вырѣзанныхъ тамъ людей. Чѣмъ сильнѣе нанесенный ударъ, тѣмъ дольше непріятель остается спокойно. Мы убили 20,000 туркменовъ при Геокъ-Тепе. Оставшіеся въ живыхъ, долго не забудутъ этого урока.

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ печатно изложить вашъ взглядъ, такъ какъ въ вашемъ официальном докладѣ, вы говорите, что послѣ

приступа и во время преслѣдованія непріятеля вы убили 8.000 человекъ *обоимъ* пола.

— Это вѣрно: ихъ сосчитали и, дѣйствительно, оказалось 8.000 человекъ.

— Этотъ фактъ возбудилъ въ Англіи много толковъ, такъ-какъ вы признаете, что ваши войска убивали женщинъ наравнѣ съ мужчинами.

По этому поводу я долженъ замѣтить, что, въ разговорѣ со мной, Скобелевъ сказалъ откровенно: «Много женщинъ было убито. Войска рубили саблями все, что попадало подъ руку». Скобелевъ далъ своей дивизіи приказъ, щадить женщинъ и дѣтей, и въ его присутствіи ихъ не убивали; но другія дивизіи никого не щадили: солдаты работали какъ машины и рубили саблями народъ. Капитанъ Масловъ сознался въ этомъ съ полною откровенностью. Какъ очевидецъ, онъ утверждаетъ въ своемъ сочиненіи «*Покореніе Ахаль-Текке*», что утромъ, въ день приступа, данъ былъ приказъ никого не брать въ плѣнъ.

— Это совершенно вѣрно, сказалъ Скобелевъ, были найдены женщины между убитыми. Не въ моемъ характерѣ что-либо скрывать. Поэтому я и написалъ въ моемъ докладѣ: *обоимъ* пола.

Когда я ему замѣтилъ, что наша главная ошибка, въ послѣднюю афганскую войну заключалась въ томъ, что, вступивши въ эту страну, мы не приложили на практикѣ его принципа (и Веллингтона), то-есть не нанесли непріятелю возможно болѣе жестокихъ ударовъ, — онъ отвѣтилъ: «Казни въ Кабулѣ, совершенныя по приказанію генерала Робертса, были большою ошибкою. Я никогда не приказалъ бы казнить азіята съ цѣлью терроризировать страну, потому что эта мѣра никогда не производитъ желаннаго эффекта. Какую-бы казнь вы не придумали, она все-таки

всегда будетъ менѣе ужасна, чѣмъ тѣ, которыя придумываетъ какой-нибудь Масрулахъ, или другой азіатскій деспотъ. Населеніе до такой степени привыкло къ подобнымъ жестокостямъ, что всѣ ваши наказанія кажутся ему ничтожными. Важно и то, что казнь мусульманина невѣрнымъ вызываетъ ненависть. Я предпочту видѣть возстаніе цѣлой страны, чѣмъ казнить одного человѣка. Когда вы берете городъ приступомъ и наносите при этомъ жесточайшій ударъ,—то они говорятъ: «такова воля Всевышняго», и покоряются этому приговору судьбы, не сохраняя въ сердцѣ и слѣда той ненависти, которую зараждаетъ въ немъ казнь. Вотъ моя система: наносить сильные и жестокіе удары пока, сопротивленіе не уничтожено, а затѣмъ прекратить всякую рѣзню, быть добрымъ и человѣчнымъ съ лежащимъ непріателемъ. Послѣ заявленія покорности, въ войскахъ должна соблюдаться самая строгая дисциплина: ни одинъ непріатель не долженъ быть тронутъ.

Надо замѣтить, что взятіе крѣпости Геокъ-Тѣпе происходило 24 января 1881 года, и что борьба была чрезвычайно жаркая. Русскіе потеряли 4 офицеровъ и 55 солдатъ убитыми; 18 офицеровъ и 236 солдатъ были ранены; 10 офицеровъ и 75 солдатъ—контужены.

Въ плѣнъ было взято мало текинцевъ, но русскія войска захватили до 4.000 женщинъ и дѣтей, которыхъ помѣстили въ землянкахъ, находившихся близъ крѣпости. Общество Краснаго Креста поспѣшило позаботиться объ этихъ несчастныхъ; оно снабдило ихъ съѣстными припасами, бѣльемъ, обувью и другими предметами первой необходимости.

Генералъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Объяв-

ляю населенію оазиса Ахаль-Теле, что войска Императора Всероссійскаго взяли крѣпость Геокъ-Тѣпе, защитники которой были истреблены. Семейства сихъ послѣднихъ, а равно и семейства тѣхъ жителей, которымъ удалось убѣжать, находятся въ плѣну у побѣдоносныхъ войскъ стоящихъ подъ нашимъ начальствомъ; я совѣтую текинцамъ покориться своей участи и отдаться на волю Императора. При этомъ объявляю, что лица, заявившія о своей покорности, будутъ пользоваться, какъ лично, такъ и ихъ семейства и собственность, всѣми гарантіями общественной безопасности, наравнѣ со всѣми прочими подданными «благаго Царя». Тѣ же, которые будутъ оказывать безумное сопротивленіе Его побѣдоноснымъ войскамъ, будутъ истреблены подобно ворами и разбойникамъ».

По окончаніи войны, Скобелевъ вернулся къ своимъ научнымъ занятіямъ. Трудно было быть образованнѣе его, и читать съ большею пользою, чѣмъ онъ. Скобелевъ зналъ всѣ европейскіе языки и знакомъ былъ со всѣми литературами; всѣ книги когда-либо, напечатанныя о военномъ искусствѣ, были ему извѣстны; онъ дѣлалъ замѣтки, резюмировалъ ихъ, словомъ — вполне ихъ ассимилировалъ. Онъ говорилъ о нихъ со своими окружающими, заставлялъ офицеровъ комментировать вмѣстѣ съ нимъ періодическія изданія, однимъ словомъ, заставлялъ ихъ работать, какъ работалъ онъ самъ. Это былъ полководецъ, типъ великаго генерала, человѣкъ высоко-талантливый.

Начиная съ солдатъ, которыхъ онъ тщательно выбиралъ изъ другихъ отрядовъ, образуя изъ нихъ избранную фалангу, и кончая офицерами, онъ выискивалъ людей достойныхъ, находилъ и развивалъ ихъ. Онъ неустанно заботился о томъ, чтобы окружить себя сотrudниками и друзьями, наиболѣе достойными въ арміи, и можно смѣло сказать, что въ Россіи лучшею рекомендаціею для военнаго служить репутація друга Скобелева. Я ниже расскажу что онъ въ 1882 году говорилъ мнѣ о войнѣ. Вотъ слова, которыя ему приписываютъ по этому вопросу.

«Что до меня касается, говорилъ онъ, то я люблю войну. Всякая нація имѣетъ право и обязанность расширять свою территорію до естественныхъ границъ. Мы, славяне, напримѣръ, должны взять Босфоръ и Дарданеллы, иначе мы потеряемъ всякое «историческое значеніе». Если намъ не удастся наложить руку на эти проливы, то мы задохнемся, какъ бы обширна ни была наша земля. Пора покончить съ сантиментальными заявленіями, и видѣть предъ собою только наши интересы. Наполеонъ ихъ хорошо понималъ, когда, въ Эрфуртѣ и Тильзитѣ, предлагалъ Александру I сообща передѣлать карту Европы. Онъ предлагалъ намъ Турцію, Молдавію, Валахію, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы ему предоставили раздѣлаться по своему съ нѣмцами и Англичанами. Мы не съумѣли его понять. Другими словами, онъ предлагалъ намъ истребить самыхъ злѣйшихъ враговъ нашихъ и въ добавокъ осыпать насъ разными благодѣяніями чтобы отблагодарить насъ за позволеніе».

IV

Не могу противостоять желанію разсказать, при какихъ обстоятельствахъ, во время пребыванія моего въ Петербургѣ, я имѣла случай увидѣть, какою огромною популярностью пользовался „бѣлый генералъ“. Однимъ изъ поводовъ моей поѣздки, было желаніе съ нимъ познакомиться; генералъ Х*** ему сообщилъ объ этомъ. Но когда я пріѣхала, Скобелева не было въ Петербургѣ; я ждала его.

Вечеромъ я разъ отправилась въ циркъ, который похожъ на всѣ цирки въ мірѣ. Какъ въ Парижѣ и тамъ разрывали бумажные круги, танцовали на туго-натянутыхъ канатахъ и дѣлали *haute école*.

Не будь балета-пантомимы *Сандримоны*, въ которомъ должны были участвовать дѣти, я-бъ уѣхала; начало этой пантомимы было весьма оригинально и сильно меня заинтересовало.

Началось съ дефіле свѣхъ монарховъ Европы. Приближеніе каждаго изъ нихъ ко двору prince Chagmant, возвѣщалось соотвѣтственнымъ національнымъ гимномъ; при входѣ въ тронную залу монархи кланялись принцу, который отвѣчалъ также поклономъ и указывалъ имъ мѣста возлѣ себя.

Королева Викторія, Индійская Императрица, Персидскій Шахъ, Австрійскій Императоръ—явились одни, Германскаго Императора сопровождалъ князь Бисмаркъ. Встрѣченные супругомъ Сандрильоны оба они усѣлись рядомъ съ другими монархами.

Но вотъ раздаются звуки Марсельезы. И того-же я увидѣла? Вы думаете, г-на Гриви, президента Республики? Нѣтъ: Гамбетту! Всѣ монархи были одѣты въ блестящіе мундиры, съ орденскими лентами черезъ плечо, съ звѣздами на груди. На Индійской Императрицѣ была королевская мантия. Только одинъ Гамбетта былъ одѣтъ въ скромный черный сюртукъ. Толстый, въ бѣломъ галстукѣ, съ огромною черною шляпою на головѣ и въ синихъ очкахъ, онъ смотрѣлъ весьма неприглядно. Мнѣ стало грустно и мои демократическія идеи сильно поколебались. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы въ Россіи, и вообще за границей, представители Франціи являлись съ бѣлымъ блескомъ. Мнѣ казалось чего-то не доставало для блеска нашего знамени.

Къ счастію, по окончаніи Марсельезы, раздались громкія рукоплесканія. Они еще усилились, когда Бисмаркъ всталъ съ своего мѣста, чтобы пожать руку Гамбеттѣ, человѣку, воплотившему въ себѣ дѣла народной защиты!

Друзья сопровождавшіе меня, принадлежали къ семейству Глинки. Въ то время, какъ музыка начала играть «*Жизнь за Царя*», публика бессознательно стала напѣвать русскій національный гимнъ. Настало какое-то торжественное ожиданіе. Я сама увлеклась общимъ настроеніемъ. Не знаю почему, но по внезапно охватившему публику волненію, я поняла, что должно произойти нѣчто необычайное. Вдругъ раздались радостныя восклицанія, а за ними громъ рукоплесканій. Публика привстала и я увидѣла входящаго Скобелева, «бѣлаго генерала». Онъ гордо шелъ впередъ. Вся зала крикнула въ одинъ голосъ «да здравствуетъ Скобелевъ!» Четыре раза зала цирка огласилась этими восторженными криками. Не только принцъ Шарманъ пошелъ на встрѣчу герою, но и сама Сандрильона сошла со ступенекъ своего трона.

Популярность Скобелева можно сравнить только съ популярностью Наполеона I. Отъ бѣдной хижины, до барскихъ жилищъ, какъ во всѣхъ окраинахъ Россіи, такъ и въ столицахъ, всюду съ гордостію рассказываютъ легенды о Ташкентѣ, Хивѣ, Ковандѣ, Кашгарѣ, Плевнѣ, Галлиполи и Геокъ-Тѣпѣ.

Никакой рыцарь, воспитанный поэтами, не имѣлъ столько неимовѣрныхъ похощеній, сколько Скобелевъ, и не заслужилъ больше его репутаціи храбреца. Онъ былъ добръ и нѣженъ къ слабымъ и никто больше его не любилъ солдата, и не заботился о его образованіи, здоровьи и безопасности. Во время войны онъ почти не спалъ. Случалось, что ночью онъ просыпался тревожно и бѣжалъ осматривать аванпосты, не пренебрегая никакими подробностями.

Полководецъ въ походѣ, герой въ огнѣ сраженія, «человѣкъ науки», какъ онъ говорилъ въ своемъ кабинетѣ, Скобелевъ оставилъ множество замѣчательныхъ трудовъ: военные разсказы, доклады о состояніи войскъ, замѣтки и наблюденія и т. д. Его несокрушимость, вліяніе, которое онъ оказывалъ на людей, внутренняя сила, которою онъ обладалъ, дѣлали его полубогомъ. Это былъ Ахилесъ, умѣвшій владѣть собой. Его личность, фізіономія, характеръ, дѣйствія, воплощали собой идею, которую себѣ дѣлають о богѣ войны. Онъ предвидѣлъ, угадывалъ и зналъ. Никакая опасность, никакая невозможность его не останавливали. Когда онъ приступалъ къ исполненію каковаго-нибудь плана, то дѣйствительность должна была, во что бы то ни стало, уступать его предначертаніямъ. Да могла ли слѣпая судьба не уступать этому ясновидящему!

По истинѣ, великій Скобелевъ обладалъ тѣмъ, что дополняетъ и доказываетъ величіе, и, чего никогда не имѣютъ посредственности— онъ обладалъ хорошимъ расположеніемъ духа въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Скобелевъ былъ и останется героемъ Россіи. Обширное государство, образуемое столь разнородными элементами, изъ которыхъ часть находится еще въ первобытномъ состояніи, можетъ безгранично преклоняться только предъ военнымъ героемъ.

Во время экспедиціи противъ теккинцевъ, на границахъ Персіи и Афганистана, вдали отъ всякой помощи, ведя войну съ горстью людей противъ 40.000 варваровъ, Скобелевъ ни одной минуты не падалъ духомъ, онъ ни разу не усумнился въ побѣдѣ. Въ послѣдней турецкой войнѣ подъ нимъ было убито восемь лошадей. Можно было-бы написать цѣлый томъ о его изумительныхъ подвигахъ. Бѣлый бостюмъ, который онъ выбралъ для себя, былъ вызовомъ непріятелю, и никогда онъ не былъ даже обрызганъ кровью. Говорятъ, что до него никогда не коснулась пуля. Русскій солдатъ, любящій все чудесное, вѣрилъ въ его неуязвимость, и это обстоятельство еще болѣе усиливало его вліяніе на ихъ умы.

Всегда и всюду Скобелевъ прославлялъ русское имя. Съ 1862 года, этотъ побѣдоносный воинъ прошелъ съ русскимъ знаменемъ черезъ

Кавказъ, Туркестанъ, Болгарію, Китай и Румелию.

Отецъ Скобелева, генералъ-адъютантъ, любимый при Дворѣ, былъ также человѣкъ весьма храбрый. Его мать, вполне достойная такого сына, была пылкая, великодушная, краснорѣчивая женщина, идеалистка, одаренная свѣтлымъ и развитымъ умомъ и твердой волей; вмѣстѣ съ тѣмъ, она страстно любила дѣлать добро. Ея смерть привела въ отчаяніе Скобелева и возбудила въ немъ еще большую жажду дѣятельности. Очевидно было, что она была убита врагами славянъ, въ то время, когда готовилась основать больницу въ Софіи.

Произведенный въ бригадные генералы въ тридцать два года, потомъ въ дивизіонные, затѣмъ въ генералъ-адъютанты, Георгіевскій Кавалеръ Скобелевъ, въ то время, когда я познакомилась съ нимъ въ Петербургѣ, могъ только желать еще болѣе славы для себя и еще болѣе величія Россіи.

V.

Когда Скобелевъ входилъ ко мнѣ въ большой салонъ, занимаемый мною въ Европейской гостинницѣ, г-жа Гирсъ съ дочерью собирались уйдти; эти дамы встрѣтились съ нимъ.

— Кто это? спросили онѣ меня вполголоса, пораженные его осанкой.

— Вы не знакомы съ нимъ?—это Скобелевъ.

Онѣ никогда его не встрѣчали!..

Я стала медленно ихъ провожать, такъ какъ онѣ посматривали на генерала, да и я, раздѣляя ихъ любопытство, тоже не торопилась; затѣмъ, по ихъ уходѣ, я подошла къ Скобелеву, котораго также видала въ первый разъ и который предупредилъ меня запиской о своемъ посѣщеніи. Я протянула ему руку.

Мы посмотрѣли другъ на друга молча, не имѣя никакого желанія обмѣняться банальными фразами.

Не смотря на свой военный костюмъ, Скобелевъ имѣлъ видъ не военнаго, а свѣтскаго человѣка, почти утонченнаго, и я была поражена изяществомъ и мягкостью его движеній. Едва можно было угадать въ немъ военнаго, выдержавшаго всѣ невзгоды лагерной и боевой жизни.

Съ перваго взгляда въ немъ поражало нѣчто кроткое и доброе. Голова его была прелестна и выразительна; лицо представляло смѣсь гордости и тонкости, которую я въ моей жизни, встрѣчала только у двухъ людей. Его голубые глаза устанавливались на васъ, и, казалось, проникали въ глубь вашихъ мыслей, какъ бы направляя и анализируя ихъ. Трудно передать то впечатлѣніе, которое производилъ его взглядъ.

Когда онъ обанчивалъ свой нѣмой допросъ и сдѣлалъ свои заключенія то безцеремонно самъ прерывалъ молчаніе, и выбиралъ тему для разговора, которая ему самому приходила въ голову. Я не долго оставляла за нимъ это преимущество и, въ свою очередь, прерывала молчаніе вопросами, что сначала его немного раздражало, но потомъ, какъ кажется, нравилось ему.

Когда наши мысли встрѣчались, онъ улыбался поклономъ и словомъ: тронуть! (*touché!*), означалъ что онъ сдается. Я протянула ему руку. Довѣріе и непринужденность установились съ тѣхъ поръ между нами.

Я думала, что онъ тщеславенъ, а онъ—что я поэтическая женщина; мы оба ошиблись—мы были просто патриоты.

Голосъ Скобелева, чрезвычайно чистый, былъ богатъ оттѣнками, отъ самыхъ нѣжныхъ и гармоничныхъ нотъ, до звучности трубы. Не смотря на то, что онъ держался всегда среднихъ нотъ, голосъ его иногда пріобрѣталъ боевую звучность. О «братьяхъ славянахъ» онъ говорилъ съ глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ, и руки его какъ-бы протягивались къ нимъ; но когда дѣло шло о «врагахъ славянъ», то онъ не могъ удержаться, чтобы не вскопить съ мѣста, и это простое, естественное и невольное движеніе производило сильное впечатлѣніе. Онъ произносилъ два-три слова... и передъ вами стоялъ герой; жестъ его былъ умѣренъ, но гордъ. Я стала говорить ему объ интересовавшемъ его вопросѣ, прежде чѣмъ приступить къ тому, который интересовалъ меня. Мы заговорили о Балканскихъ народностяхъ.

«Увѣряю васъ, что ихъ угнетаютъ, сказали онъ, они заслуживаютъ состраданія. Угнетатель Босніи и Герцеговины, напримѣръ, заставляетъ дѣтей служить въ арміи, которая убивала ихъ отцевъ и братьевъ. Имъ даютъ въ руки ружье, покрытое славянскою кровью. Это меня возмущаетъ, подобно тому какъ васъ должна возмущать мысль, что эльзасцы

и лотарингцы должны служить въ прусской арміи.

— Они были нашими, замѣтила я, настоящими французами, между тѣмъ какъ славяне Босніи и Герцеговины менѣе близки вамъ.

— Это наши «братья славяне», повторилъ онъ растроганнымъ голосомъ; не будемъ спорить объ этомъ, прошу васъ. Россія вела войну для освобожденія Балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига; она поборила Берлинскому трактату, не смотря на всѣ его невыгоды, но она не можетъ допустить, чтобы австрійское иго замѣнило турецкое. Первое хуже, оно болѣе жестоко, такъ какъ оно преслѣдуетъ не только личность, но и совѣсть; тамъ стараются побѣжденныхъ обратить въ вѣру побѣдителей. У кого отнимаютъ свободу на землѣ, тому слѣдуетъ оставлять, по крайней мѣрѣ, надежду на загробную жизнь, въ той формѣ въ какой онъ ее видитъ.

— За послѣдніе годы, сказала я, Австрія едва-ли можетъ считаться отвѣтственной за свои дѣйствія на Востоѣ. Ее толкаетъ Германія и будетъ двигать впередъ на дипломатическую и военную побѣду надъ Балканскими народами.

— Германія! повторилъ онъ, и въ голосѣ его зазвучала необыкновенная смѣлость и рѣшимость.

Люди, проповѣдывавшіе крестовые по-

ходы, вѣроятно имѣли столь вдохновенное лицо.

— Я не люблю войны, сказалъ Скобелевъ, да, не люблю ее больше. Я слишкомъ много воевалъ, продолжалъ онъ, какъ бы отвѣчая себѣ. Никакая побѣда не оплачиваетъ достаточно той массы энергіи, силъ, богатствъ и людей, которую на нея тратятъ; плата не стоитъ купленнаго; но есть война, на которую я всегда буду готовъ, которая никогда не покажется мнѣ слишкомъ дорогою; она будетъ для меня священная война.

— Да сбудется ваше пророчество! Я также не люблю войны, потому что я женщина и принадлежу къ лагерю побѣжденныхъ, возразила я. Но борьбы между народностями избѣжать нельзя. Это — борьба за существованіе. Не смотря на всѣ мои страданія, я буду, генералъ, подобно вамъ, всегда готова на священную войну между галлами и германцами.

— Слова: нѣмецъ—вотъ врагъ! вы, генералъ, должны были бы публично произнести въ Парижѣ!

— Они не произведутъ дѣйствія и останутся безъ отголоска?

Я былъ въ Парижѣ и не встрѣтилъ тамъ патриотовъ.

— Вы плохо ихъ искали.

— Всѣ у васъ заняты Бисмаркомъ, его боятся, а потому и терпятъ, тоже и у насъ, въ Россіи.

— Вы увидите, что если Канцлеръ захочетъ, то онъ и васъ и насъ превратитъ въ своихъ союзниковъ.

— Тѣмъ болѣе слѣдуетъ тѣмъ которые его ненавидятъ бороться противъ его вліянія и забить тревогу, отвѣтила я. Пріѣзжайте въ Парижъ, генералъ; повторите ваши слова «нѣмецъ—вотъ общій врагъ», и вы увидите, какой отголосокъ они найдутъ въ странѣ, у которой отняли Эльзасъ и Лотарингію.

— Кто меня знаетъ во Франціи?

— Правда, почти никто, кромѣ военныхъ и нѣкоторыхъ писателей, занимающихся виѣшней политикой; у насъ въ этомъ отношеніи царствуетъ непростительное невѣжество. Скобелевъ въ Парижѣ—значитъ однимъ гостемъ больше и только, между тѣмъ какъ оно должно было бы означать присутствіе вождя нашего

союза; но, во Франціи, съ виду столь равнодушной ко всему, что происходитъ за ея предѣлами, достаточно иностранцу произнести слово, которое бы затронуло чувствительныя струны сердца, чтобы весь народъ заинтересовался узнать: «Кто произнесъ это слово»? И если ему отвѣтятъ: «Герой», то вся страна пожелаетъ узнать все что только до него касается. И тогда Франція создастъ изъ исторіи его жизни легенду, которой не забудутъ будущія поколѣнія.

— Я приѣду въ Парижъ, сказалъ онъ голосомъ, какимъ онъ вѣроятно отдавалъ приказанія, и какъ бы приказывая самому себѣ, рѣшено,—приѣду.

Онъ вынулъ изъ бармана изящную маленькую записную книжку, раскрылъ ее, что-то записалъ и прибавилъ:

— Я повторю эти слова, составляющія обычную формулу моего мышленія.

Они произвели на васъ впечатлѣніе, значитъ они годны для нашего дѣла. Увидимъ, съумѣете-ли вы обратить на нихъ общественное вниманіе, найдутъ-ли они отголосокъ, поразятъ ли они, какъ вы полагаете, французскія сердца. Когда вы ѣдете?

— Черезъ четыре дня.

— Я поѣду черезъ восемь или десять дней, хотя я опасаюсь Парижа и его газетъ.

— Вы боитесь, генералъ; я нивагъ не думала услышать отъ васъ это слово.

— И храбрецы иногда трусятъ; ихъ преимущество состоитъ только въ томъ, что они могутъ въ этомъ сознаться не позоря себя.

Его подвижное лицо внезапно утратило свое вдохновенное и рѣзкое выраженіе. Онъ спряталъ въ карманъ мундира драгоценную книжечку, которую я потомъ часто видала въ Парижѣ, такъ-какъ онъ безпрестанно просматривалъ ее и, подобно репортеру, дѣлалъ замѣтки, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо было записывать вопросы и полученные на нихъ отвѣты.

— Такъ-ли я храбръ какъ говорятъ? спросилъ онъ меня съ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Очень храбры, но ваша храбрость имѣетъ нѣкоторый оттѣнокъ женскаго воеводства. Въ самомъ дѣлѣ: Скобелевъ, спрашивающій «храбръ-ли я?»—это тоже, что хорошенькая женщина, спрашивающая: хороша-ли я?

— Правда, мой вопросъ—воеводство. Но, увѣряю васъ что я сдѣлалъ его съ наивной искренностію, я думаю, что моя храбрость есть просто любовь или страсть въ опасности.

— Несомнѣнно, сказала я улынувшись, сдѣланному имъ различію. Иного чувства и быть не можетъ.

— Но что такое пренебреженіе, презрѣ-

ніе къ опасности! Я желалъ-бы обладать болѣе спокойной храбростью. Я уже больно люблю рисковать жизнью. Я иногда завидую людямъ, которые раздѣляютъ со мной опасность. Когда я одинъ иду на опасность, то чѣмъ больше я ей подвергаюсь тѣмъ болѣе я ее люблю. Вотъ почему я сталъ ненавидѣть войну. Въ бою храбрость слишкомъ дробится и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается гуртовою.

— Ваша храбрость, вѣроятно, эгоистична, слишкомъ лична и горделива; вы хотите, чтобы во время доблестнаго подвига всѣ взоры обращались на васъ одного.

— О, нѣтъ, я ни чуть не желаю забирать славу другихъ! Позвольте мнѣ объяснить, изложить вамъ мои чувства и разсудите сами.

— Это меня весьма интересуетъ, сказала я.

— Военные успѣхи, которыми я болѣе всего дорожу, это именно тѣ, которые я одержалъ съ горстью людей. Воспоминанія о нихъ мнѣ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ меньше число людей раздѣлявшихъ ихъ со мною. Я не равнодушенъ къ большому сраженію; его обстановка производитъ на меня сильное впечатлѣніе; но мнѣ кажется, что моя личность не всецѣло въ немъ участвуетъ, что я дѣйствую какъ статистъ и исполняю только официальную роль. Я вижу себя отдающимъ приказанія, занимаюсь дру-

гими болѣе, чѣмъ самимъ собой; меня преслѣдуютъ пріобрѣтенныя познанія; мой умъ, подъ давленіемъ представленій о славныхъ военныхъ событіяхъ, загромождается ворохомъ всего выученнаго, повторяетъ знаменитыя историческія слова, не видитъ того, что есть, но то что было, и по аналогіи—то, что можетъ произойти; я не знаю, ясно-ли я излагаю мои мысли.

— Очень ясно. Вы вдохновляетесь прошлымъ, уроками опытности, маневрируете, подражая другимъ полководцамъ чтобы сравняться съ ними, или превзойти ихъ; вы прилагаете на дѣлѣ ваши познанія, вы—полководецъ, организующій побѣду, но вы не солдатъ лично участвующій въ борьбѣ и въ васъ создается убѣжденіе, что вы только управляли дѣломъ, но не лично одержали побѣду. Вашъ пылкій темпераментъ страдаетъ даже отъ минутнаго господства надъ нимъ умственныхъ силъ.

— Да, вѣрно; я болѣе всего люблю физическую дѣятельность; ничто, не можетъ утолить этой жажды дѣйствовать. Все чисто умственное мнѣ кажется рефлексивнымъ. Но, на-оборотъ—рукопашная схватка, дуэль, или опасность, въ которую я могу броситься очертя голову меня привлекаетъ, волнуетъ, опяняетъ; я совершаю безумства, я люблю, обожаю ее.

— Вы чувственно наслаждаетесь личною храбростію.

— Именно, живо возразилъ онъ, какъ будто бы я сказала ему что-нибудь новое.—Чувственность храбрости! Да, вы даете мнѣ опредѣленіе, котораго я искалъ. Я гоняюсь за опасностью какъ за женщинами, но желаю ее вѣчно не чувствуя пресыщенія! Если даже она будетъ всегда одна и та же, то и тогда я буду ощущать разнообразныя наслажденія. Когда я бросаюсь въ опасность, сердце мое тревожно бьется; я желаю въ то же время приблизить и удалить ее; сладкій и болѣзненный трепетъ пробѣгаетъ у меня по всему тѣлу; моя природа стремится на встрѣчу опасности съ такою силою, такъ дружно, что воля не въ состояніи ей противиться. Когда опасность минуетъ, я успокоиваюсь: я наслаждался, совладалъ ею.

— Стойте, генераль! Вы, вожесть быть, нежелая, объяснили мнѣ объ чемъ мнѣ было бы неловко спрашивать васъ; не будемъ больше говорить объ этомъ. Теперь я поняла, что вы не Донъ-Жуанъ, ищущій въ женщинахъ не женщину а только побѣду. Эти мирныя удовольствія, за которыя васъ попрекаютъ ваши друзья и враги, заставляютъ васъ забывать вашу цѣль, вашъ характеръ; эти наслажденія, значить, не болѣе какъ опьяненіе, которое такъ или иначе обманываетъ васъ на минуту и которыми вы стремитесь замѣнить *другое*, а именно—наслажденіе опасностью.

Онъ взялъ мои руки съ дѣтской радостью.

— Я радъ, что былъ съ вами откровененъ, сказалъ онъ; я читалъ многое изъ вашихъ сочиненій что внушило мнѣ къ вамъ сильное довѣріе. Я чувствовалъ, что, анализируя себя передъ вами, я стану лучше себя понимать. Такъ и случилось.

— Женщины обладаютъ иногда умомъ, который дѣлаетъ мужской умъ болѣе плодотворнымъ, сказала я, смѣясь. Это своего рода *реванизмъ*.

— Отчего опасность (*le danger*) не женскаго рода? сказалъ Скобелевъ въ свою очередь.

— Не все-ли равно, если смерть не мужскаго.

— Смерть, — знаете-ли, сударыня, я часто о ней думаю?

— Разумѣется, и я тоже.

— Я не хочу вамъ сказать банальности, я очень желалъ бы умереть; гораздо легче устроить себѣ прекрасную жизнь, чѣмъ прекрасную смерть.

— Это оттого, возразила, я что если въ молодости честолюбивый человѣкъ, примется устраивать свою будущность, то даже удары судьбы могутъ быть ему полезны; между тѣмъ достаточно чтобъ смерть нанесла одинъ хорошій ударъ чтобъ уничтожить наиболѣе сильныхъ міра сего.

— Это опасеніе — глупо умереть — и заставило меня сказать вамъ въ началѣ разго-

вора какъ я желалъ бы умѣть лучше владѣть своею храбростію.

— Одинъ изъ вашихъ друзей, рассказывалъ мнѣ про ваше, по истинѣ безумное геройство; такъ напимѣръ подѣ Плевной вы говорили ему, что не можете иначе ѣсть какъ подѣ непріятельскими пулями. Вы сожалѣли, что нуждались въ постоянномъ возбужденіи, что вамъ наскутила любовь къ опасности.

— Я знаю, что это вамъ сказалъ. Онъ ошибся. Я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ подѣ непріятельскимъ огнемъ, вотъ и все; но я вовсе не грустилъ. Опасность мнѣ не надѣла и теперь еще я не пресыщенъ ею. Но я чувствую, что, для поддержанія силы характера, мнѣ необходимо болѣе владѣть собою, болѣе часто встрѣчаться съ опасностью лицомъ къ лицу.

— Въ добавокъ, генералъ, человѣкъ прожившій сорокъ лѣтъ не на столько молодъ, чтобы руководиться только требованіями своего темперамента, какъ бы могуча ни была его природа. Умѣніе управлять своею жизнью—большое искусство. На это есть различные способы; раньше чѣмъ утратите ваши силы, вамъ прямой расчетъ беречь себя, создать новую манеру Скобелева.

— Человѣкъ, разсуждающій, долженъ успокаивать человѣка порывистаго. Отчего это не такъ легко сдѣлать для себя, какъ по отношенію къ другимъ? сказалъ онъ. Повѣрьте, я всегда съ умѣренностью сужу какъ моихъ друзей, такъ и ихъ дѣйствія.

— Всѣ хвалятъ вашу терпимость къ мыслямъ которыхъ вы не раздѣляете, къ убѣжденіямъ которымъ не сочувствуете. Не сама-ли я, въ эту минуту, доказательство вашей благосклонности ко всѣмъ? Единственное за что васъ порицають, и вы сами согласны съ этимъ, — это за вашу геройскую готовность всегда рисковать жизнью. Подумайте только какъ драгоцѣнны ваши дни для Россіи и для нашей общей ненависти къ нѣмцамъ.

— А, какъ я предпочитаю древнюю манеру защищать народное дѣло, когда выбирались два бойца рѣшавшіе распрю между лагерьями противниковъ. Я мечталъ быть Горациемъ. Вообразите сцену моего поединка съ Бисмаркомъ, среди нѣмецкихъ и русскихъ войскъ.... Видите-ли вы этотъ поединокъ? Борьба былабъ грандіозная, особенно съ нимъ. Да, особенно съ нимъ, повторилъ онъ; голосъ и лицо его измѣнились, но на этотъ разъ онъ не вскакивалъ съ мѣста.

Настало продолжительное и грустное молчаніе.

— Вы знаете, сказала я тихо, почти боясь заговорить, что я восхищалась вашей матерью, слѣдила за ее патріотической и благотворной миссіей, что я искренно ей симпатизировала.

— Знаю, и я по этому признаюсь вамъ, что, помимо моего патріотизма, во мнѣ кипитъ еще и личная ненависть, которую я не скрываю всякій разъ, какъ только она можетъ быть понята и раздѣлена. Я буду всюду, вѣчно питать ее до полного пораженія врага русскаго имени, до самой смерти.

VI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ Россіи, въ газетахъ было напечатано:

Парижъ, 17 февраля.

«Русскій генералъ Скобелевъ, принимая сербскихъ студентовъ живущихъ въ Парижѣ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ между прочимъ слѣдующее: Россія—не хозяйка у себя дома, внутри страны и за границей она парализована чужеземнымъ вліяніемъ. Врагъ Русскихъ и Славянъ—это нѣмецъ. Борьба между Славянами и Нѣмцами неизбежна. Она будетъ продолжительна и ужасна, но Славяне побѣдятъ. Если дерзнуть дотронуться до одного изъ государствъ, признанныхъ трактатами, до Сербіи или до Черногоріи, то вы будете не одни».

Генералъ Скобелевъ заключилъ свою рѣчь, сказавъ студентамъ: «До свиданія, и, если судьбѣ будетъ угодно то увидимся на полѣ

сраженія, гдѣ будемъ бороться противъ нашего общаго врага».

По приѣздѣ его мы долго бесѣдовали о нашихъ проектахъ, а 18-го числа онъ писалъ мнѣ:

«Позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на послѣднія извѣстія напечатанныя въ сегодняшнемъ *«Times»*, которыя кажутся насколько они касаются до восточной Румелии (на языкъ русскихъ патриотовъ «южная Болгарія», не смотря на Берлинскій трактатъ), ¹⁾ должны привлечь на себя ваше серьезное вниманіе. Въ понедѣльникъ, въ назначенный Вами часъ, я буду имѣть честь изложить Вамъ, почему онѣ важны, если только, къ несчастію, онѣ вѣрны».

Вотъ другое письмо отъ 19-го числа:

«Посылаю Вамъ адресъ, полученный мною вчера отъ болгарскихъ студентовъ; я полагаю, что безполезно и даже вредно его здѣсь напечатать. Не надо утомлять. Къ тому и слогъ его ужъ черезчуръ восточный и можетъ повести къ ложнымъ толкованіямъ; я думаю его послать въ Москву, гдѣ онъ произведетъ совершенно обратное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, прочтите, сударыня, этотъ документъ; онъ особенно интересенъ потому, что исходитъ изъ той среды, которая въ Болгаріи и за границей подвержена антирусскому вліянію въ несравненно большей степени чѣмъ народъ и войско, считающіе Енязя Александра *вице-Королемъ* Русскаго Императора.»

¹⁾ Эти слова написаны красными чернилами.

Вотъ этотъ документъ:

«Ваше Превосходительство! Счастливый случай Вашего пребыванія въ Парижѣ налагаетъ на болгарскихъ студентовъ, пребывающихъ въ Парижѣ, священную обязанность выразить какъ отъ себя, такъ и отъ имени всѣхъ болгаръ, чувства глубокой благодарности и душевной преданности, которыя мы питаемъ къ родственному намъ русскому народу вообще и къ Вашему превосходительству въ особенности. Достаточно было произнести правдивое мужественное слово въ пользу нашихъ угнетенныхъ братьевъ для того, чтобы огненный столпъ озарилъ и воодушевилъ легендарныхъ бойцовъ въ ихъ неравной борьбѣ противъ угнетителей Славянства. Блескъ его лучезарно отражается на вершинахъ Балканъ, въ долинахъ Дуная, Тунджи, Вардара и Марицы, гдѣ гремитъ волшебное имя неустрашимаго героя Плевны, Ловчи и Шейнова. И этотъ блескъ воспроизводитъ въ болѣе яркихъ краскахъ осуществленіе нашихъ надеждъ: восстановление Болгаріи Санъ-Стефанскаго договора.

Ваше Превосходительство! Еще дымится кровь, еще бѣдѣютъ кости убитыхъ, свѣжи еще могилы, еще воздвигаютъ памятники достопамятнымъ героямъ, достойнымъ сынамъ Великой Россіи.—Генералъ! благодарность наша глубока, преданность безгранична; узы, связывающія насъ съ Освободителемъ—неразрывны, неизгладима священная память Царя Освободителя. Освобожденіе Болгаріи, этотъ великодушный актъ, это неслыханное въ исторіи событіе служитъ торжественнымъ залогомъ единенія и прогресса Славянъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что царствованіе Его Императорскаго Величества Александра III, ко-

торый лично столь могущественно способствовалъ нашему освобожденію, — ознаменуется самымъ блестящимъ образомъ осуществленіемъ этого идеала всѣхъ Славянъ, и что многочисленные и блестящіе подвиги ожидаютъ побѣдоносныя войска героя Геогъ-Тэпе.

Имя Ваше не нуждается въ новыхъ побѣдахъ. Слава прибрѣтена вами навсегда.

Живите, Генераль, величіе и счастье славянскаго міра этого требуютъ.

Парижъ, (5-го 17-го) Февраля 1882 года.»

Со времени Берлинскаго трактата, который Скобелевъ считалъ унижительною для Россіи, онъ принялся организовать въ Болгаріи патріотическіе кружки и гимнастическія общества. Онъ создавалъ центры сопротивленія анти-русскому вліянію, котораго интриги онъ раскрывалъ гораздо легче, чѣмъ кто другой, потому что его приверженцы готовы были идти въ огонь и въ воду, чтобы доставлять ему необходимыя свѣдѣнія.

Воодушевленная тѣми-же чувствами и одинаковымъ желаніемъ защищать нашу страну отъ бисмарковскихъ сѣтей, какъ онъ выражался, мы условились направить наши патріотическія усилія къ одной общей цѣли и сгруппировать всѣ силы для борьбы за справедливое дѣло.

Я представила его обсужденію мою статью, касавшуюся вопроса, который мы должны были

возбудить во враждебной Бисмарку прессѣ. По поводу этой статьи, онъ отвѣчалъ мнѣ 22-го февраля:

«Я буду имѣть честь быть у Васъ завтра утромъ; примите меня. Мнѣ надо сообщить Вамъ довольно важные факты. Я полагаю, что для дѣла бесполезно будетъ говорить о слабости этихъ несчастныхъ христіанъ защищающихъ свою національность и вѣру; развѣ только, чтобы повліять на публику, что къ несчастію еще несвоевременно. Я думаю, впрочемъ, сударыня, что вы лучше знаете, что надо дѣлать. Во всякомъ случаѣ, я, отнынѣ, причисляю себя къ Вашимъ вѣрнымъ и преданнымъ сотрудникамъ для праваго дѣла, и надѣюсь, что вы всегда будете питать ко мнѣ дружбу».

Всякій, кто только не завидовалъ превосходству Скобелева и щедрымъ дарамъ, которыми осыпала его природа, не могъ не питать къ нему искренней дружбы; не могъ не восхищаться имъ, коль скоро случай доставлялъ возможность проникать до глубины его мысли и цѣнить величіе его проектовъ и его страстный патріотизмъ. Его высшее стремленіе состояло въ придачѣ престижа своему отечеству; онъ желалъ вырвать его во что бы то ни стало, изъ рукъ нѣмцевъ, ведущихъ по его мнѣнію Россію къ гибели. Его враги—онъ имѣлъ ихъ—обвиняли его въ тайныхъ често-

любивыхъ замыслахъ. Увѣряли даже, что онъ готовилъ для себя болгарскій престолъ и что онъ мечталъ сдѣлаться императоромъ Азіи. Разъ я сказала ему, смѣясь, что мнѣ писали изъ Петербурга: «Не довѣряйтесь Скобелеву, онъ мечтаетъ оказачить Европу и управлять ею». По его просьбѣ, я показала ему письмо. Лицо его выразило сильное уныніе.

— Какъ, генераль, васъ тревожить подобная бессмыслица?! сказала я.

— Да, серьезнымъ тономъ отвѣтилъ мнѣ Скобелевъ. — Можно выказывать храбрость, презрѣніе къ деньгамъ и почестямъ, патріотизмъ, вѣру, но нельзя избѣжать подозрѣнія, дать другое несомнѣнное доказательство своей честности, своего безкорыстія, какъ только смертью и я убью себя чтобы только доказать, что я не для себя живу.

— И вы говорите все это по такому ничтожному поводу?! Это меня удивляетъ и я сожалею, что у васъ такая чувствительная жилка, потому что васъ можно поразить въ это мѣсто.

— Еслибы вы знали, до какой степени мнѣ отвратительно подозрѣніе! Сколько болѣе свѣтлыхъ и великихъ вещей я бы совершилъ не преслѣдуя меня подозрѣніе.

Вечеромъ того же дня Скобелевъ получилъ

приказаніе вернуться немедленно въ Петербургъ.

Генералъ уѣхалъ, не повидавшись со мною, и написалъ мнѣ изъ Варшавы. Говоря про судьбу Польши, онъ выразился такъ: «Ошибка Россіи не въ томъ что она ее покорила, а въ томъ, что она дозволила ее раздѣлить, выдала ее иностранцамъ. Волей-неволей, поляки будутъ съ нами во время войны съ нѣмцами; они не ускользнутъ отъ ненависти къ нѣмцамъ, присущей ихъ расѣ», — много разъ повторялъ онъ мнѣ въ своихъ письмахъ.

Сдѣлаю, по г. Немировичу, резюме тѣхъ мнѣній, которыя Скобелевъ имѣлъ объ экономическихъ мотивахъ, побуждающихъ народы къ войнѣ. Трудно лучше изложить идеи «бѣлаго генерала».

«Вы спрашиваете у меня, какимъ образомъ мы можемъ начинать европейскую войну, когда, въ данную минуту, нашъ рубль стоитъ 62 коп., а не 100. На это я отвѣчу вамъ, что война есть единственный родъ промышленности къ которой можно приступить безъ капитала. Въ 1793 году финансы Франціи были хуже нашихъ: серебряный франкъ стоилъ 100 франковъ бумажками. Развѣ не это именно обстоятельство помогло солдатамъ, голоднымъ, босоногимъ и не получавшимъ жалованія, идти добывать у не-

пріятеля то, чего имъ недоставало, и до того наполнить государственную казну, что франкъ достигъ своей нормальной стоимости?... Во время Петра Великаго, мы были очень бѣдны: послѣ Нарвскаго сраженія пришлось лить колокола, чтобы дѣлать пушки. И что-жъ, достаточно было одного сраженія подъ Полтавой одержаннаго благодаря этимъ пушкамъ, чтобы измѣнить положеніе дѣлъ и сдѣлать изъ Россіи великую державу... А покореніе Россіи Татарами! Вы думаете, что они его совершили потому, что размѣнъ былъ въ ихъ пользу? Они голодали, ѣсть было нечего,—вотъ они и пришли къ намъ. Если у меня спросятъ мое мнѣніе, то я отвѣчу, что намъ надо подождать пока нашъ рубль падетъ еще ниже теперешняго курса. Мы скоро этого дождемся, потому что нѣмецкіе банкиры, водящіе насъ за ность, не замедлятъ еще болѣе понизить его курсъ... Тогда наступитъ часъ... Нѣмецкіе или французскіе банкиры могутъ смотрѣть на войну, какъ на экономическую ересь: у нихъ на то солидныя причины, имѣющія биржевую стоимость; ихъ золото и бумаги обмѣниваются *al pari*; члены финансоваго міра жирны и хорошо откормлены...

Въ концѣ іюня 1882 года, я получила извѣстія о Скобелевѣ. Одинъ изъ нашихъ общихъ друзей, капитанъ Л., прислалъ мнѣ рассказъ о произведенной имъ инспекціи кавалерійской дивизіи; въ этому письму генералъ приписалъ нѣсколько строкъ!

«Не думайте, сударыня, что я этимъ совершилъ какой-либо особенно геройскій под-

вигъ; я только стараюсь подготовить армию къ великой борьбѣ, день которой скоро наступить. Я исполню мою роль, если буду живъ... Мрачныя предчувствія меня осаждаютъ».

Вотъ письмо капитана Л.

«Вы знаете, что по мнѣнію Скобелева рѣка, какова бы ни была ея ширина, глубина, быстрота теченія и природа береговъ, никогда не должна останавливать кавалеріи. Онъ это проповѣдывалъ собственнымъ примѣромъ въ русско-турецкой кампаніи 1877—78 года, переплывъ на лошади черезъ Дунай. Нашъ начальникъ снова повторилъ опытъ и, прежде чѣмъ заставить переплыть 4-й драгунскій полкъ, онъ самъ два раза переплылъ, на первой попавшейся солдатской лошади черезъ притокъ Наревы, Супритель.

Вотъ какъ это произошло. Во время бесѣды въ полѣ, генералъ приказалъ привести себѣ лошадь, и, раздѣвшись до-нага, вскочилъ на нее и направилъ въ воду.

Лошадь была упрямая и переправа вздѣ и впередъ совершилась не безъ затрудненій.

— Во второй разъ дѣло пойдетъ глаже, сказалъ генералъ, направивши лошадь въ воду, и на этотъ разъ переплылъ вздѣ и впередъ, съ полнымъ успѣхомъ».

Описаніе практическихъ приемовъ, которые генералъ подвергъ испытанію для переправы вплавъ черезъ рѣку 4-го драгунскаго полка,

было доведено до свѣдѣнія войскъ 4-го корпуса, въ дневномъ приказѣ отъ 15 іюня 1882 года, за № 58.

Этотъ приказъ былъ военнымъ завѣщаніемъ Скобелева. 15 дней спустя, онъ умеръ при драматическихъ обстоятельствахъ, подробности которыхъ мнѣ извѣстны.

VII.

Скобелевъ умеръ внезапно. Причины его смерти остались загадкою для публики. Онъ разстался съ Аксаковымъ въ одиннадцать часовъ вечера и долженъ былъ съ нимъ увидаться на слѣдующій день утромъ, въ 9 часовъ. Онъ вручилъ ему бумаги, которыя были украдены впоследствии, и говорилъ своему другу, какъ и мнѣ писалъ, о предчувствіи своей близкой кончины. «Я всюду вижу угрозу», говорилъ онъ. Аксаковъ засталъ его на парадной постели, уже разложившагося, часъ спустя, послѣ момента, назначеннаго для свиданія. Въ гостинницу Дюссо его привезли мертвого. Какая держава имѣла интересъ въ исчезновеніи героя Плевны и Георгіа-Тэпе, который могъ увлечь за собой всю націю противъ Германіи и остановить, однимъ своимъ присутствіемъ, нѣмецкія и англійскія интриги въ Болгаріи?...

Похороны Скобелева были достойны этого

героя. Я храню букетъ иммортелей, касавшихся его гроба, и эти цвѣты напоминаютъ мнѣ мои обязательства, мою ненависть и мои надежды. Другъ, которому Скобелевъ сказалъ за восемь дней до своей смерти: «Если я исчезну, то преслѣдуйте мою цѣль и не забудьте извѣщать о всѣхъ вашихъ проектахъ нашего парижскаго друга», — другъ этотъ знаетъ, что я готова всѣмъ пожертвовать для анти-бисмарковского дѣла.

Похороны Скобелева были роскошны. Въ Москвѣ были заперты всѣ магазины и общественныя заведенія, и во всѣхъ сорокъ-сорока церквяхъ раздавался похоронный звонъ. Весь русскій народъ оплакивалъ своего героя, котораго онъ сравнивалъ съ Суворовымъ. Императору угодно было приказать дать имя «Скобелевъ» военному кораблю «Витязь». Армія и флотъ отдали честь памяти знаменитаго героя, который съ такимъ блескомъ служилъ своему родному знамени.

Я немогу болѣе удачно закончить эти прочувственныя страницы о Скобелевѣ, набросанныя на-скоро, какъ письмомъ графа К*** въ своей матери, присланнымъ мнѣ тотчасъ послѣ полученія; оно доказываетъ, какія чувства питали къ «Бѣлому генералу» его приближенные.

«Я въ ужасной скорби. Смерть Скобелева—это такое несчастіе для арміи, Россіи и для Европы,

что я почти не считаю себя въ правѣ предаваться эгоистическому, личному сожалѣнію о немъ, какъ о лучшемъ моемъ другѣ. Для всѣхъ Скобелевъ воплощалъ надежду реванша, честь знамени, идеалъ вождя, гарантію успѣха; для служившихъ подъ его начальствомъ онъ былъ лучшимъ другомъ. Я принадлежалъ къ этой категоріи; онъ зналъ, какъ горячо я былъ ему преданъ, и онъ меня очень любилъ. Онъ никогда не проѣзжалъ черезъ городъ, гдѣ я находился, не побывавъ у меня, и мы часто проводили вечера вдвоемъ.

Это былъ человѣкъ, столь возвышеннаго ума и чувства, что онъ вполне допускалъ мнѣнія, которыя самъ не признавалъ, и я думаю, что его симпатія ко мнѣ происходила отъ искренности моихъ отношеній и убѣжденій. У него, конечно, были недостатки, но это была личность, до такой степени выходящая изъ ряда обыкновенныхъ, что его нельзя было мѣрить однимъ масштабомъ съ другими смертными.

Это былъ гигантъ и геній, и вполне понятно, что его добродѣтели и недостатки были чрезвычайны. Никогда я не увижу болѣе трогательнаго зрѣлища. Толпа въ 100.000 человѣкъ, молчаливая, грустная, сознающая великую утрату, понесенную ею; многіе рыдали, становились на колѣни... Это была патріотическая, народная скорбь.

Бѣдная, бѣдная Россія! Уже много лѣтъ страдаетъ она отъ недостатка людей талантливыхъ и энергичныхъ. Какъ только взойдетъ звѣзда первой величины, такъ вскорѣ и затмится, не достигнувъ до своего апогея. Скобелевъ до такой степени казался предназначеннымъ играть роль не только въ исторіи Россіи, но и въ судьбѣ

Европы, что во мнѣ колебалась вѣра въ чело-
вѣческія миссіи».

Я сказала въ началѣ этой брошюры, что
миссія челоѣка не прекращается потому, что
онъ исчезаетъ со сцены.

Три раза смерть таинственно поразила трехъ
людей, которые могли бы въ войнѣ съ Герма-
ніей быть источникомъ непобѣдимой силы для
своего отечества: Скобелева, Шанзи и Гам-
бетту. Кто выигралъ отъ исчезновенія этихъ
трехъ людей?...